

ФИЛОСОФ ИЗ КАСРИЛОВКИ

Премьера
телевизионного
спектакля
«Тевье-
молочник»

Первый рассказ о Тевье появился в 1894 году. Будущая книга собиралась на протяжении двадцатилетия. Сегодняшний глаз находит в ней эхо исторической современности: биржевой бум и серия банкротств, сахарозаводчик Бродский и молодой Горький в ореоле легендарной биографии, холера в Одессе, кишиневский страшный погром, Порт-Артур, «беспорядки» и царская туманная конституция. Время текло, потом неслось. Оно меняло цвета, повсеместно и стремительно грозилось. А полуграмотный Тевье, чуть поднявшийся из нищеты на торговле маслом и сырами, по-прежнему сохранял в глазах Шолом-Алейхема какой-то особый интерес. Снова и снова, через год, через пять, писатель дает ему выговориться. Знакомые шутки, знакомые обороты, целые эпизоды, разыгранные по аналогии, на мотиве обманутой грезы. Что-то особенное виделось автору за этим — быть может, противостреловою большого мира, надежда, пусть самая трепетная и нестойкая?

Все начинается в духе рождественской истории: Тевье подвез двух заблудившихся женщин из Егупца, он же Киев, а в результате разжился едой и сладостями для детей, тридцатью восемью рублями за коровой впридачу, пока не раздвоенной. Во второй новелле, как чертик из табакерки, является Менахем-Мендель и подбивает родственника вложить сумму в биржевую химеру, во вчерашний день, прошлогодний снег — плакали, конечно, кровные денюжки. Затем следуют истории с дочерьми: старшая не променяла портняжку-подмастерье на пожилого преуспевающего мясника, вторая ослушница выбрала Федьку-писаря, верзилу, самоучку да к тому же — чужой веры, третья отправилась в ссылку за своим ненаглядным, послушать которого, так все богачи ничего не стоят, а бедняк — самая важная птица на свете. Еще потом Шпринца наложит на себя руки от несчастной любви, а Бейселка за настоящим богачом будет жить ни жива ни мертва... А на закуску, растеряв жену и детей, получит Тевье приказ от его благородия господина урядника: умятывайся в три дня подобию-поздорову, в целях очищения губернии, и мало ли что, что покоятся в этой земле твои деды и прадеды!

В полнокровном и трезвом этом повествовании есть какой-то добавочный обертон, от лукавой и наивной иносказательности народной сказки — про бедняка и семерых его дочерей. Только сочинялись ли сказки с таким горестным итогом?

Перерабатывая классический текст для постановки на телеэкране, С. Евлахишвили выказал чрезвычайную осторожность и почтительность. Только неизбежные сокращения вольной стихии неторопливой речи да некоторые эпизоды хронологически смещены в видах цельности впечатления. Самая главная трудность крылась, однако, в другом. Как выстроить в единое действие восемь монологов от первого лица? Каким изобразительным эквивалентом передать звучащее слово? Басня не знает топографии, притча не нуждается в аксесуарах быта. Не логично ли — после телевизионных опытов А. Эфроса или М. Захарова явить на экране условное «пространство монолога», метафорическую формулу действительности, какой ее видит рассказчик? Или от этих изысков отправиться с камерой в настоящую лачугу, на всамделишные улицы и

поля, к пыльной дороге в никогда не существовавший Вайберик?

С. Евлахишвили и здесь держится почти-точно и осторожно. Крайностям он вместе с художником О. Гончаренко и оператором Б. Лазаревым предпочитает безошибочный компромисс: никаких условностей, только все подается как бы в театральной, смягченной редакции, с легкой поправкой на откровенную бутафорию. Живая лошадь в искусственном саду — ну и что? Лишь бы не мешали главному.

Главное — это актерская работа Михаила Ульянова в структуре классической монодрамы.

Тевье в его исполнении — это именно вселенная со своими континентами и климатическими поясами, с перехватом дыхания на заоблачных горных высях и космическими перегрузками в безднах, куда обрывается иногда душа. Живучесть его Тевье в грустной, детально вызубренной науке, каким боком поворачиваться под удар судьбы. Отбушевав перед домашними, дождавшись, когда отплатится Голда-сердце (Г. Волчек), отколотив, если совсем неумогу, терпеливого, всепрощающего конягу, он снова поднимается, наш Тевье, как истоптанная трава, с новым стремлением к добру и солнцу, с новыми планами, такими простенькими и такими неисполнимыми.

Опасно увлечься очевидными контрастами роли, перепадом от анекдотического веселья к отчаянной ноте тупой, оцепенелой беспомощности. Похоже, что режиссер и исполнитель с самого начала условились оставить за скобками самые высокие и самые низкие тона, крайние краски спектра. Аскетически суженный диапазон роли многократно выиграл в драматичности. Есть прелесть пра-музыки, еще не ведающей собственных грядущих возможностей, — здесь тоже чудится курс на какую-то «пра-игру» с библейской простотой и незамутненностью, с предельной безыскусностью актерского поведения. По временам ловишь в лице Тевье — Ульянова странную, отрешенную застылость, как у слепого или безумца. При живых, ехидных глазах, при иронической складке губ за реденькой бородашкой этакая инерция привычного выражения, когда за всеми чувствами стоит, как остигнутый бас, одна и та же печальная мысль.

Злодея, мы помним, советуют играть от минуты: доброты. Как изобразить веле-речивого, хлопотуна-старичка, жалкого в своей нищете и бесправии? Вспатриваемся в М. Ульянова: он играет высокое достоинство. Смешное, но и трогательное в этом человеке, в этих обстоятельствах. Отчитав служанку в богатом доме или тайно высмеяв урядника, Тевье при всем видимом своем смиреннии остается внутренне величавым, как король Лир. Он истый философ не оттого, что по любому поводу переворачивает цитаты из священных книг. Он философ потому, что знает об этой жизни самое главное: «Это человек, то есть главное, чтобы человек оставался человеком». Все же остальное — комфорт, положение, связи, почести, даже власть — так, вчерашний день, прошлогодний день.

В. ДЕМИН.

Фото Н. Агеева.

Соб. кущевура, 1985, 20шмолд